

ДЖЕК СУОН

ЦИКЛИЧНОСТЬ

Джек Суон

Цикличность

«Издательские решения»

Суон Д.

Цикличность / Д. Суон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904751-9

Что получится, если в классическую историю о попаданцах добавить щедрую долю тоски, реализма и несправедливости? Получится «Цикличность» — короткая фантастическая новелла о девушке, которую обманула её вера в чудо.

ISBN 978-5-44-904751-9

© Суон Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Новая жизнь	6
Часть первая	16
Желтый дом	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Цикличность

Джек Суон

© Джек Суон, 2018

ISBN 978-5-4490-4751-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Новая жизнь

Это была одна из множества бесконечно тоскливых ночей, сливающихся в одно целое. Девушка сидела на полу, положив голову на кровать, и смотрела в потолок совершенно мертвыми глазами. Не хотелось ничего, и даже жилось как-то исключительно по привычке. Пустота внутри была вечным и единственным спутником, с которым, порой, было так легко и приятно жить, но не сегодня. Сегодня пустота засасывала всё вокруг, причиняя агонию рассудку, который никак не мог сдвинуться с места, с мертвой точки, где он стоял, кажется, годами. Ничего не помогало – ни еда, ни алкоголь, ни книги, ни кино, ни сериалы, и сна не было ни в одном глазу. Все эти решения всегда шли друг за другом, порой вместе, порой отдельно, и порой помогали, а порой – нет. Сегодня была одна из таких ночей. Всё вокруг, стены, подушка, постельное белье, которое давненько не стиралось, пыльные полки, дурацкий ковер и чертов уродливый стул, всё вызывало тошноту и ненависть, всё давило на неё, словно прутья клетки, в которой она живет всю свою жизнь. Будь у неё меньше сил, она бы отправилась в душ, и сидела там в такой же прострации, свернувшись калачиком на потрепанном дне старой ванны, под струями обжигающе горячей воды, почти час, но сегодня была не одна из таких ночей. Девушка тяжело поднялась, преодолевая темноту в глазах после смены положения, и принялась одеваться. Выбраться наружу, на улицу, к ночному городу, оставив домашних спать в своих постелях, и переложить все свои внутренние страдания на собственные ноги, проходя по пустым улицам километр за километром. Для этого нужны были силы, но это помогало. Она накинула ветровку, сунула в карман немного денег, на случай, если захочется купить чего-то для поднятия настроения в круглосуточном супермаркете, и выскользнула за дверь, стараясь не шуметь и не дать своей семье узнать, что она снова выбирается из дома ночью.

Улица встретила её прохладным ночным воздухом, со своим, особым запахом позднего времени суток, который ни с чем не перепутаешь, холодным пурпурным светом фонарей и абсолютным отсутствием людей. Отлично. Ночь была безлунной, но правительство не присваивало себе хотя бы часть денег, поэтому неосвещенных областей в районе почти не было, а где-то и вовсе было светло, как днем. Её захватывало то, как город меняется по ночам, и пусть вокруг пейзажи, навевающие тошноту днем, ночью они, хоть и не вызывают любви и восхищения, кажутся ближе и роднее. Переулки сменяли друг друга, местами покрытый рытвинами асфальт сменялся землей, плиткой, а потом – снова асфальтом, дома проплывали мимо, и тугая хватка тоски на горле девушки, кажется, начала хоть немного, но спадать. Она бродила больше часа, и тело, не видевшее регулярных физических нагрузок со времен школы, немного заныло, особенно отличались колени и бедра. Местом краткого привала была выбрана детская площадка одного из пустынных дворов, а именно – старые металлические качели с чуть ржавыми цепями. Усевшись на них, она принялась водить кончиком обуви по мелкой пыли под ногами, выводя неловкие, но относительно ровные спирали. В голове роились тяжелые мысли. Пусть сейчас, в одиночестве, среди холодных пустых дворов и с ночным свежим воздухом в лёгких, ей и было легче, но всё это временно, и дурная цикличность её жизни, кажется, будет тянуться до самой смерти. Скоро она вернется домой, ляжет спать, проснется, пойдет по делам, может, проживет ещё пару дней или даже недель, на неизвестно откуда берущихся крохах энергии, на абсолютном минимуме, а после сломается снова, и снова окажется здесь, и всё повторится, круг замкнется и ничего не изменится. Девушка устала на свою ладонь с длинной рыжей полосой от ржавчины, и вдруг *что-то произошло*. Она ничего не услышала, но что-то заставило её поднять голову, ровно в тот момент, когда пространство посреди площадки стало дру-

гим, оставаясь при этом прежним, но словно утратив часть объема, и из этого пространства вышагнул вполне трёхмерный человек, точнее – молодой парень, одетый немного не по погоде и с мечтательной улыбкой на губах. Девушка глазела на него в немом удивлении. пытаясь хоть как-то уложить в голове то, что она увидела, но незнакомец не дал ей шанса посидеть и подумать, и, оглядевшись и хмыкнув, спросил:

– Не знаешь, где здесь можно выпить кофе?

– Не так далеко отсюда есть одно место, больше ничего не открыто ночью... – начала она и тут же нашлась, – Пошли, я покажу дорогу.

Они шли молча. Девушка была слишком сбита с толку, чтобы начать разговор, а таинственный незнакомец, казалось, был полностью поглощен созерцанием окружения, причем делал он это с неподдельно восторженным выражением лица, словно турист, обзревающий чудеса архитектуры другой страны. То, что «чудесами архитектуры» были воняющие разваливающиеся помойки, исписанные граффити заборы и обшарпанные дома, его, судя по всему, не смущало. Его интерес и увлеченность вызывали у девушки лёгкую зависть – хотелось бы ей так искренне радоваться этим столь осточертевшим за долгие годы омерзительным пейзажам. В раздумьях и догадках дорога до забегаловки показалась умопомрачительно короткой, и она в нерешительности остановилась перед дверями, запнувшись о мысль: «А что дальше-то делать?». Из оцепенения её вывел голос спутника:

– Ну что, это оно?

– Да, мы пришли... – девушка не могла отделаться от мысли, что её помощь этому загадочному человеку окончена и что они вот-вот разойдутся каждый своей дорогой, и этот осколок того, другого мира исчезнет из её жизни навсегда, но никак не могла придумать, как его задержать.

– Знаешь, я тут подумал... У меня ведь нет местных денег. Я сам как-то не догадался. Так что зря ты меня вела, прости, – незнакомец застенчиво потупил взгляд.

– Ну, в таком случае, я угощаю, – улыбнулась она в ответ. Решение пришло само собой и, заметно посветлев, она решительно толкнула дверь. Внутри оказалось пусто, за столами никого не было, и только скучающая кассирша сидела, уронив голову на стол. Увидев вошедших, она встрепенулась, подняла голову и поздоровалась, с любопытством изучая спутника девушки, словно зная, что полчаса назад свалился ей на голову из другого мира. Ну, или просто потому, что он красавчик.

– Ну, что будешь? – спросила его девушка, вылавливая из кармана джинсов измятые купюры.

– Понятия не имею, – ответил он, рассматривая меню, – Я не умею читать на местном. Но, пожалуй, какой-нибудь кофе и ещё что-нибудь съедобное на твой выбор.

Они сидели за столиком у открытого окна и ковыряли хлипкими пластиковыми ложками пирожное, взятое на двоих. Незнакомец отпил из своего стаканчика.

– Ну, должен сказать, что это не самый дерьмовый кофе который я когда-либо пил, но он очень к нему близок.

– Это лучшее, что я могу добыть тебе на окраине города в три часа ночи, уж прости.

– Да ничего.

Они немного помолчали.

– Пугающая, однако, тишина, – хмыкнул он.

– Я просто не знаю, о чем говорить. На мои вопросы ты всё равно не ответишь.

– Давай вот как – раз уж ты платишь за мой кофе, ты можешь задать мне один вопрос, и я на него отвечу. Но только один, так что выбирай с умом.

Девушка задумалась. Все вопросы показались какими-то бессмысленными. На какие-то из них она знала ответы сама, на какие-то из них ответы ничего не дадут, поэтому она спросила первое, что пришло в голову:

– Как тебя зовут?

Он слегка опешил, а потом засмеялся.

– Хороший выбор. Имен у меня на удивление много, каждый так и норовит придумать мне кличку. Но я в основном называю себя Фокс.

– Фокс? Как странно.

– Странно? Чего тут... Ох.

Он внезапно вскочил, схватил свою куртку, широко и весело улыбнулся кассирше и, оттолкнувшись ногой от стула, выпрыгнул в открытое настежь окно. Девушка, толком не понимая, что делает, рванула вслед за ним, удивляясь непонятно откуда взявшейся храбрости.

Растерявшаяся кассирша, задумчиво глядя в окно, взяла тряпку и меланхолично начала стирать со стола пролитый кофе.

Они бежали. Она почти догнала его, когда Фокс обернулся и недоуменно спросил:

– А ты-то куда?

– Не знаю, – ответила девушка, задыхаясь, но из последних сил не сбавляя темпа, – Но это и не важно.

Фокс рассмеялся. Она краем глаза заметила, как позади из пространства выпрыгивают люди, когда он схватил её за руку и резко куда-то свернул. Они бежали, сворачивали, прыгали через ограждения, проносились через дворы и переулки, как вдруг Фокс остановился и повернулся к ней. «Решай – со мной ты или нет. Пойдешь со мной – ничего уже не будет как прежде», – сказал он и протянул ей руку. Она взяла её, не раздумывая, и они провалились в никуда.

Дневной свет ударил в глаза, раздались вскрики людей, хлопанье крыльев. Её мутило, вестибулярный аппарат сходил с ума, но Фокс крепко держал её руку и тащил за собой. Они пробежали по площади, распугивая голубей, и он дернул её вниз, с моста, и её крик исчез в нигде. Вот она уже бежала по скользкой стеклянной крыше какого-то дома, люди в комнате внизу поднимали головы на стук их обуви, а спустя минуту она закрывалась свободной рукой от веток деревьев, бьющих в лицо под тропическим ливнем. Они мчались, капая водой на бульжную мостовую и уворачиваясь от лошадей, бежали, перескакивая с вагона на вагон какого-то футуристичного поезда, задыхались, преследуемые огнедышащим драконом, и тут же тушили горящую одежду, выпав из ниоткуда на высоте десяти метров где-то в ледниках, откуда тут же бросились в толпу какого-то безумного цирка, почти у арены которого снова перескочили в какую-то пустыню, после которой она стряхивала с ноги скорпиона уже посреди бьющихся в латах воинов, а Фокс всё тащил и тащил её за собой. И когда она уже потеряла счёт мирам, вдруг остановился. Девушка, наконец выдохнув воздух, который она вдохнула вселенных три назад, почувствовала, как почва уходит у неё из под ног, но её спутник заботливо подхватил её, не дав упасть, и виновато сказал:

– Прости, что пришлось вот так тебя тащить, не дав времени привыкнуть к перемещениям. Представить не могу, как это тяжело, но пришлось. Теперь, в качестве извинения, кофе покупаю я. Можешь идти?

– Ну... – девушка тяжёло подняла голову, отрывая взгляд от земли и загоня подальше желание выплеснуть предыдущий кофе на мостовую, – Относительно.

– Тогда идём! Ну, или нет, – Фокс терпеливо удержал её, сползающую на землю с закатывающимися глазами, и почти что понес на руках куда-то прочь. Она вцепилась похолодевшими пальцами в его воротник и зажмурила глаза, пряча их от выжигающего, казалось, сам мозг, света, в запястьях. Звуки перегружали уши, запахи перебивали друг друга, и даже воздух

ощущался в лёгких как-то... детально. Девушка почувствовала, как её опускают вниз, и благодарно прижалась щекой к холодной каменной стене, так кстати оказавшейся рядом.

– Хей, Фокс...

– М-м? – он опустил на корточки.

– Я что, умираю?

Он помолчал.

– Нет, ты адаптируешься. Из-за множественных прыжков по реальностям твоё тело изменится, приобретает новые возможности. Но если не адаптируешься, то да...

– Что да?

– Умрешь.

– Просто замечательно. Попасть в самое необычайное приключение в жизни, и подохнуть в самом его начале. Прекрасно.

– Ну, какое же приключение без небольшой опасности умереть.

– Спасибо, что обнадежил.

Фокс снова помолчал.

– Ты правда думаешь, что это самое необычайное приключение в твоей жизни?

– Конечно нет, как оно может сравниться с той ночью когда меня арестовали пьяной и я подралась с бездомным прямо в изоляторе, – фыркнула она, – Моя жизнь была довольно скучной штукой. Повезло, что я вышла погулять в нужное время. Ладно, мне уже лучше, пошли.

– Ты мастерски переводишь тему.

– Ты мастерски задаешь странные вопросы.

– Ты как?

– Не особо радужно, но мир перестал вести себя так, словно у меня самый ужасный приступ мигрени в жизни... и остальное тоже прекратилось.

– Остальное? Я просто никогда подобного не испытывал. Я начинал понемногу.

– Мир стал... Детальной. Слово замедлился. Я видела пыль, летающую в воздухе, все было словно в микроскоп, цвета стали ярче, слух обострился, осязание стало чувствительней, и все вокруг словно вибрировало. Тяжело было даже пошевеливаться. Слово кто-то DDoS-ил мне мозг.

– Что, прости?

– Неважно.

– Как скажешь.

Фокс улыбнулся, помогая ей встать, и решительно куда-то направился, вновь таща её за руку за собой. «Я как собачка на поводке», – обиженно подумала она.

Девушка наконец осмотрелась. Мир не казалась слишком уж странным. Дома казались довольно обычными, хотя что-то в них было не так. Приглядевшись, она поняла – почти не было окон. Люди были одеты довольно закрыто, большинство носило тёмные очки, многие были в шляпах с вуалями. Транспорт напоминал старомодные автомобили, но с одним только лобовым стеклом, которые тоже было затенено.

– Почти уверен, что это – ресторан, – прервал её созерцание Фокс и потянул её в открытую дверь, завешенную шторой.

Внутри было довольно светло из-за ламп под потолком, но окон тоже не было, и она всё ломала голову, почему. Мир был таким новым и очень хотелось узнать побольше, но девушка стеснялась задавать вопросы, а Фокс, судя по всему, не собирался ничего рассказывать. Он выбрал столик и сел, тут же с улыбкой взяв у официантки меню. Девушка, не спеша сесть, заглянула ему через плечо и провозгласила:

– Я абсолютно ничего не понимаю. Что это вообще за тарабарщина? – она указала на буквы, располагавшиеся в каком-то хаотичном порядке, – Но определенно понимаю, что говорят люди за другими столиками.

– А вот и не понимаешь, – хитро усмехнулся он, переворачивая страницу.

– То есть как?

– Ну, понимаешь, но не потому что понимаешь язык. Присядь, – девушка послушно опустилась на стул, – Помнишь я говорил про то, что из-за путешествий между мирами тело изменяется?

– Помню.

– Конечно, помнишь, это было двадцать минут назад. Я вопрос задал для красоты повествования. Так вот, тело изменяется, и одно из самых частых изменений – возможность понимать чужую речь. Что-то там про волны и выборочную телепатию... Оставим это зубрилам-учёным. Но, в общем, что есть, то есть. Здорово помогает в других мирах, знаешь. И другие тоже могут понимать тебя, но как это работает я вообще без понятия. Магия.

– Магия? Магии же не существует?

– Давай не будем лезть в научные разговоры, у меня от них просыпается неудержимое желание надеть очки и лабораторный халат. Или уснуть.

– Ладно, – девушка нехотя убрала своё любопытство подальше, – А ты тоже говоришь на неизвестном мне языке?

– Да. Если ты отстранишься, отойдешь от попытки понять, услышишь, как моя речь на самом деле звучит.

Девушка сосредоточилась.

– Раз-два-три-четыре-пять, я не знаю что сказать отвлеченного чтобы ты могла попробовать. Ну как, получилось?

– Нет. У меня не получается перестать пытаться тебя понять. Не могу отстраниться.

– Надо же. Это комплимент, в некотором роде. Хей, я тут подумал... Я так тебя и не спросил.

– О чем?

– Как тебя зовут? Можешь подумать над вопросом, если нужно и если хочешь придумать что-то новое. Многие так делают, когда начинают путешествовать.

Она пораскинула мозгами. Оставь он вопрос без комментария о возможности выбрать что-то новое, она бы представилась, не задумываясь, но теперь её настоящее, реальное имя казалось каким-то неуместным, хотя ничего определенного на ум больше не приходило. Но идеи хуже, чем говорить своё скучное, «земное» имя, она не могла придумать, и поэтому ляпнула первое, за что зацепился ум. Раз он Фокс, то она она будет...

– Хоуп. Хоуп, – повторила она, пробуя звучание нового имени.

– Рад с тобой познакомится, Хоуп, – Фокс радостно улыбнулся.

– Какой у нас план на будущее?

– Тебе придется некоторое время побродить одной – минут через десять мне нужно будет уйти, сделать кое-какие дела и найти место, где мы можем переночевать, поэтому у меня сейчас не так много времени, чтобы обсуждать дальнейшие планы. Но когда я приду, тогда мы точно всё решим. Но главная идея – это приключения. Ох, умираю с голоду.

– То есть, ты собираешься меня вот так вот взять и бросить?

– Всего лишь на пару часов. Самостоятельно ориентироваться в незнакомом окружении – важный навык для путешественника по мирам. Ты справишься. Да и если нет, что такого ужасного может случиться за пару часов?

– Но что мне делать?

– Не знаю. Погуляй, раз погода хорошая, поглазей на город, поприставай к незнакомым людям с разговорами. Весь мир у твоих ног, просто протяни руку и возьми его. Встретимся здесь же.

Она стояла у входа, глядела на небо, ловя недоуменные взгляды прохожих, и думала. Фокс расплатился деньгами из кошелька, который, как ей показалось, он совершенно точно украл, и умчался, а она так и осталась стоять, толком не понимая, что ей делать. Хоуп отошла от входа, чтобы никому не мешать, и медленно побрела по улице. «Хоуп...» – новое имя никак не хотелось приклеиваться, казалось каким-то чуждым и даже более глупым и неподходящим, чем предыдущее. Но не сказать же Фоксу, что всё, она больше не Хоуп, она передумала, и теперь её опять зовут по-другому. Она в мыслях раздраженно зашипела на себя – повод для забот был определенно дурацкий. Беспокоится из-за имени, когда есть столько других, действительно важных проблем. Она уже пожалела, что её разум пошел в эту сторону, но мыслительную машину было не остановить, и проблемы уже формулировались в голове против её воли. Фокс ничего ей толком и не объяснил, зачем они здесь, кто за ним гнался, что за «дела» ему нужно сделать. Она, конечно, доверяла ему, но любопытство уже сводило с ума. И ещё её грыз маленький, подлый червячок неуверенности в себе. Какая от неё польза в приключениях, когда она, по сути, и не умеет-то ничего?

Она откровенно не знала, что с собой поделаться. Далеко не уйти – страшно заблудиться, на месте стоять два часа – можно умереть от скуки. Денег у неё не было, и она не умела читать на местном языке. Заводить разговоры с прохожими было как-то страшно и немного неловко. Фокс бросил её наедине с её мыслями, и теперь осознание произошедшего кричало и бесновалось в её голове. Что они делают? Какой план? Что будет дальше? Обнаружатся ли у неё какие-нибудь «особые силы»? Когда она сможет заглянуть домой и сказать семье, что она счастлива и в полном порядке? Куда они отправятся дальше? Хоуп никак не могла взять под контроль своё любопытство, а заодно осознала, что загадочность это точно отрицательная черта. Недостаток информации причинял почти физическую боль.

Хоуп заметила, что люди косятся на неё. Её одежда довольно отличалась от местной, к тому же находилась в довольно плачевном состоянии после прыжков по мирам. Она виновато, украдкой попыталась отряхнуть джинсы, но это было так же эффективно, как тушить пожар чайной чашкой. Плюнув на необходимость смешаться с толпой, не вызывая подозрений – в конце концов, Фокс же как-то справлялся, будучи... им самим – она прислонилась спиной к стене какого-то здания и села, удостоверившись, что ей хорошо видно вход в кафе и улицу. Покрутила кольцо на грязном пальце, подергала за крестик, который её мать столь фанатично заставляла её носить, сняла его и отбросила, смеясь. Посмотрела на выющую в пыли серебряную цепочку, вздохнула и подобрала его обратно, спрятала в карман. Задумчиво провела рукой по лицу, оставив на нём полосы пыли. Думать больше не получалось, и она смотрела на людей пустым взглядом слипающихся от внезапной усталости век. «Зачем мне брать целый мир, который валяется у моих ног, если я совсем не знаю, что мне с ним делать?» – вяло подумала она, вспоминая слова своего спутника. Незаметно для себя, она уснула.

Проснулась она от того, что кто-то трясет её за руку. Спросонья, даже не понимая где находится, Хоуп испуганно дернулась и лихорадочно огляделась. Воспоминания хлынули потоком, пыль и твердая земля под задницей уверили её в том, что ей ничего из этого не приснилось. Улица была всё та же, одежда, воздух, солнце. Увидев, что кто-то накидал ей под ноги монеток, она мрачно усмехнулась.

– Что, уже вернулся? – сказала она человеку, который её разбудил. Это, конечно же, был Фокс, улыбающийся уже почти раздражающе. Хоуп на секунду привиделась фальшь в его улыбке, но она тут же исчезла, стоило девушке подумать об этом. «Этот человек просто не может улыбаться лживо», – подумала она.

– Ага. И я организовал нам ночлег, можешь начинать аплодировать, – Хоуп, вздернув одну бровь, пару раз хлопнула в ладоши, на что Фокс, кажется, оскорбился совсем нешуточно, – Ну, или не начинать. Идём. Нам нужно многое обсудить, но не здесь.

– Та-да! – Фокс открыл перед ней дверь, – Не впечатляет, но лучше, чем ничего.

Она вошла и осмотрелась. Комната была без окон, довольно маленькой. Болтающаяся на проводе лампочка не давала достаточно освещения, хотя освещать было почти нечего – две небольшие кровати с тумбочкой между ними, колченогую табуретку и дверь, которую девушка тут же открыла. За ней оказалась совсем крошечная ванная.

– Ну, пока здесь есть душ, меня всё устраивает. О чем ты хотел поговорить?

– О том, зачем мы здесь, – Фокс закрыл дверь и сел на табурет, – О том, что нам нужно делать.

Хоуп села на кровать и подобрала ноги под себя, сбросив пыльные кроссовки, и с нетерпением уставилась на него. На секунду в голове мелькнула какая-то постыдная мысль, что у неё наверняка сейчас воняют ноги. Её спутник, в противовес ей, казался аккуратным и свежим даже после того забега, который превратил девушку в какую-то помесь загнанной лошади и похмельного бездомного. Но все её опасения и смущение отошли на второй план, стоило Фоксу начать говорить.

– Я даже не знаю, с чего начать... Это прозвучит немного глупо, но, наверное, ты поймешь. Возможность путешествовать дается с определенной целью. Знаешь, все эти сказки про Добро и Зло, они ведь не просто сказки. Есть люди вроде меня, мы просто путешествуем туда-сюда, помогаем людям, веселимся, узнаем новое, как обычные путешественники, но между мирами. Но есть те, кто используют эту возможность во зло. Про них можно рассказывать часами, про всё то, что они сотворили с некоторыми мирами, но у нас не так мало времени. Они появились здесь, в этом мире, довольно давно, раньше, чем я предполагал до этого, и это не приведет ни к чему хорошему. Я рассчитывал, что у нас будет больше времени чтобы подготовиться, чтобы ввести тебя в курс дела, но я ошибся. У нас его очень, очень мало, поэтому я рассказываю всё так сжато. Когда опасность будет устранена, тогда мы с тобой всё наверстаем, я обещаю тебе. Это для меня немного ново, обычно я путешествовал один, но... Я вижу в тебе силу, вижу желание что-то изменить, тягу к приключениям, к чему-то большему, чем ты сама. Ты напоминаешь мне меня, Хоуп. Я не мог просто взять и бросить тебя, дав тебе надежду. Ты жила не своей жизнью, не жила даже, а выживала, тот приземленный мирок и существование, о котором ты, наверное, не хочешь и вспоминать, мне было больно на них смотреть. Я понял, что ты рождена для большего, как только увидел тебя, – Фокс коснулся руки девушки, застывшей, но в то же время трепетавшей от волнения, – Теперь мы вместе, теперь ты – со мной, и мы будем путешествовать... Жду не дожусь, когда покажу тебе другие, ещё более захватывающие миры, попаду с тобой в какую-нибудь весёлую передрыгу, – Фокс улыбнулся, – Мне столько нужно тебе рассказать, но время не ждет. Мы должны действовать быстро, иначе этот мир будет утрачен навсегда, и это ещё больше пошатнет существующий Баланс. Я сориентирую тебя по тому, что мы должны делать, на месте. Честно говоря, я всё ещё работаю над планом. У нас есть около четырех часов, и лучше потратить их на сон, чем на мою бесконечную болтовню. Тебе, наверное, даже не интересно... – Потупился он.

– Нет-нет, что ты. Мне кажется, я могу слушать тебя целую вечность, – улыбнулась Хоуп, – Расскажи больше, пожалуйста.

– Лучше поспи, ладно? – Фокс легко провел тыльной стороной ладони по её щеке, – Тебе завтра будет нужна ясная голова. Я вижу, как ты устала.

Хоуп смущенно кивнула, опустила голову на подушку, и взглянула Фоксу в глаза перед тем как снова, как на улице, провалиться в тяжелый сон без сновидений. «Черные, как ночь. Так красиво», – подумал она.

Через некоторое время девушка проснулась сама. Из-за отсутствия окна в комнате было тяжело понять, сколько сейчас времени, утро или ночь, сколько она проспала. Хоуп сонно огляделась. Фокс сидел спиной к ней на полу, прислонившись к нетронутой кровати и закинув ноги на опрокинутую табуретку.

– Ты совсем не спал, – сказала она, поднимаясь.

– Это ерунда, – он обернулся, – Ты выспалась?

– Достаточно. Сколько у нас времени? Я не проспала?

– Я бы разбудил, – улыбнулся Фокс, – У тебя есть ещё полчаса, если хочешь что-нибудь сделать.

– Как насчет того, чтобы поговорить?

– Я немного занят, – Фокс поднял руку со странным устройством, над которым он работал.

– О, ладно, – Хоуп встала и толкнула дверь в ванную. Одежду стирать, конечно, поздно, но смыть с себя пыль, грязь, пот, мусор... «Фу, это что, слюни динозавра?» – подумала она, осматривая в маленькое карманное зеркальце фронт работ.

Когда она вышла из ванной, заметно менее потрепанная и трясущая мокрыми волосами, Фокс стоял у выхода и держал невесть откуда взявшиеся сумки.

– Я думаю, нам пора, – сказал он.

Была поздняя ночь, или очень раннее утро. Небо из черного только становилось тёмно-тёмно синим, воздух был настолько холодным, что перехватывало дыхание. Луны не было, возможно, просто новолуние, а возможно, у этого мир просто не было лун. Они шли довольно долго, и уже явно покинули город, в котором находились, и теперь молчаливо шагали по тропе в лесу. Фокс был непривычно мрачным и сосредоточенным, и Хоуп боялась его отвлечь, поэтому просто бросала на него краткие неуверенные взгляды. Он вдруг остановился.

– Пришли, – сказал он, вновь улыбаясь. Он сошел с тропы, сел на колени и поднял один из кустов, у которого не оказалось корней. Девушка подошла ближе, опустилась рядом и увидела скрывающийся за лже-кустом прямоугольный люк.

– Что это? Как ты вообще узнал про это место?

– Это запасной выход, который сегодня будет запасным входом. Белочки рассказали, – хихикнул Фокс, но вдруг посерьезнел, взял Хоуп за плечи и посмотрел ей в глаза, – Слушай меня очень внимательно. Это важно. Когда мы спустимся, ничего не говори, не издавай никаких звуков, и делай всё, как я скажу. Нам нужно действовать быстро. Сейчас просто иди за мной, когда мы доберемся до хранилища, я скажу, что делать дальше. Ещё раз скажу – давай без самостоятельности. Ты спускаешься первой.

Он открыл перед ней люк. Хоуп переполняло чувство ответственности, и она, решительно вдохнув, повернулась и начала спускаться по вертикальной лестнице, стараясь сильно не топтать по перекладинам. Внизу оказалось очень темно, и ей стало не по себе, пока она дождалась Фокса. Тот протянул ей фонарик и прошептал: «Страшно?». Хоуп отрицательно помотала головой и включила фонарик. Фокс осторожно пошел по коридору, который постепенно сменился другим, третьим, четвертым. Какие-то из них были освещены, какие-то – такими же тёмными. Местами встречались тяжёлые железные двери с крупными замками, но Фокс игнорировал их наличие и шагал дальше, пока они не оказались в огромном зале, где стояли какие-то огромные сооружения, накрытые тканью. «Почти на месте», – прошептал он, и подошел

к одной из дверей по периметру зала. Дверь была с большим круглым вентиляем, Фокс попытался повернуть его, чертыхнулся, достал из кармана кожаные перчатки, надел их и, поездив руками по вентилю, наверное, найдя удобное положение, с усилием открыл дверь. Хоуп подметила, что он не снял перчатки, но не придавала этому значения. Наверное, это на случай, если будут ещё двери. Они вошли в комнату, от пола до потолка полную ячеек с подсвеченными синим светом табличками. На каждой из них был кодовый замок. Фокс задумчиво обошел комнату по периметру, читая некоторые таблички, пока Хоуп стояла у входа и, памятуя о его указаниях, боролась с желанием что-нибудь спросить. Наконец, он остановился, придирчиво оглядел одну из ячеек и поманил девушку жестом.

– Мне нельзя ни к чему здесь прикасаться, я уже путал их планы не раз и их система безопасности знает и убьет меня за пару секунд. Но ты – не я, тебя она не тронет. Медленно вращай одно колесико, пока я не скажу остановиться, и переходи к другому. Всё просто.

Хоуп протянула руки к замку. Всего значений, которые нужно было выставить, было шесть, и она быстро, под руководством Фокса, закончила. На удивление, замок не открылся, хотя щелкнул, сигнализируя о правильности комбинации. Фокс указал рукой на одну из плиток в полу:

– Осторожно нажми на каждый угол. Неважно, в каком порядке.

Девушка опустилась на колени и легко коснулась пальцами плитки в нужных местах. Пол был на удивление тёплый. Плитка зашевелилась и беззвучно поднялась вверх вместе со стеклянным контейнером на металлической полке.

– Хорошо. Теперь возьми коробку, помести на крышку вот это и нажми на кнопку, – Фокс протянул ей маленькое, с ладонь, устройство. Хоуп взяла контейнер, внутри которого был ещё один, и сделала, как он велел. Коробка послушно открылась.

– Что теперь? – от долго молчания её голос звучал как-то странно.

– Достань эту штуку и дай мне. Хоуп, ты молодец. Ты словно всю жизнь этим занималась, – улыбнулся Фокс и протянул руку. Она с такой же улыбкой отдала ему черный куб и он сунул его в карман.

– Теперь идём, – сказал он, – Грандиозный срыв их ужасающего плана почти окончен.

Они вышли из комнаты обратно в большой зал и Фокс, сказав девушке подождать, подошел к другой, большей двери и вытащил какое-то устройство, прикрепил его к проёму, что-то нажал, набрал, переставил, прошел туда-сюда через дверь. Хоуп недоуменно наблюдала за ним, гадая, что же он делает, пока тот не вернулся.

– Время уходить, – сказал Фокс с широкой улыбкой, – Всё готово.

Они шли уже знакомым путем обратно, и он первым поднимался по лестнице, вновь оставив девушку в довольно жутком коридоре. Когда она поднялась, Фокс сидел на корточках и застегивал одну из сумок. Он закрыл за ней люк и они вернулись на тропу, но на этот раз Фокс выглядел не таким нервным и обеспокоенным, однако, это продлилось недолго. Буквально через минуту он дернулся, словно услышав что-то, и схватил Хоуп за руку.

– Они заметили, что кто-то был там. Они уже преследуют нас, – внутренности девушки сжались от страха, и она едва не выронила сумку, которую протянул ей Фокс, – Возьми это и беги вперед по тропе вот туда, когда увидишь раздвоенное дерево, обойди его, за ним будет ещё один люк. Спустись туда, закрыв его за собой, и беги прямо по коридору, никуда не сворачивая и не оглядываясь, я обо всем позабочусь и найду тебя там. Ничего не бойся и верь в меня, – он ободряюще подмигнул ей, – А теперь давай, беги!

Фокс улыбнулся напоследок и скрылся в кустах. Хоуп, сжимая ручки сумки, рванула по тропинке, задыхаясь, но, к счастью, нужное дерево было недалеко. Она трясущимися руками открыла люк и почти рухнула с лестницы, потянув крышку за собой. Она спускалась, дрожа от страха, и побежала по коридору, освещенному тусклыми мигающими красными лампами, думая лишь о том, что сказал ей Фокс. Он обо всем позаботится, он найдет её, всё будет

хорошо, нужно верить ему, нужно верить в него... И вдруг, не веря собственным глазам, она уперлась в тупик. Перед ней была стена, и повернуть было некуда. Хоуп обернулась и прижалась к ней спиной, повторяя, как мантру, что Фокс придет за ней. Ей было страшно, но она всё же доверяла ему. Послышались шаги, и девушка точно поняла – это он. Но она ошиблась.

К ней подбежали люди, человек пять или шесть, в серой одежде, похожей на военную форму, и кто-то оглушил её решительным ударом. Последнее, что она услышала перед падением, было то, что кто-то сказал: «Нарушитель обезврежен», и свой собственный надрывный крик. Она звала Фокса, но он, конечно, не пришел.

Часть первая

Желтый дом

Хоуп лежала на кровати, пряча озябшие ноги под одеялом в грубом белом пододеяльнике с печатью из прачечной. В комнате, кроме неудобной, прикрученной к полу металлической кровати, стояла покосившаяся тумбочка с облупляющейся краской, предназначенная для личных вещей, которых у девушки не было, поэтому на тумбочке лежало полотенце всё с тем же клеймом, завернутая в него зубная щетка, букварь, принесенный сочувствующей медсестрой, стояла железная кружка с торчащей из неё ложкой. Тарелка из этого унылого комплекта стояла на стуле, который завершал список мебели в палате. Голые стены были покрыты противной сыпучей известкой. Окон не было, тусклая лампочка была вмонтирована в потолок.

Часть медперсонала, что позлее и поглубе, называла Хоуп принцессой, а её палату – хоромами. Она была единственной, кто не лежал в общих комнатах, более того, специально для неё из одной палаты убрали все кровати, кроме одной. Не роскошь, конечно, а изоляция. Никто из персонала, кроме главного врача, не знал, кто она и почему она здесь, приказы поступали сверху, сговорчивые получали прибавку, несговорчивые почему-то очень быстро решали уволиться по собственному желанию.

Из-за отсутствия окон, было тяжело вести счет времени, но через неделю после прибытия девушка додумалась каждый раз, когда объявляли вроде бы вечерний отбой, забираться под кровать и старательно выводить на мягкой, вечно сырой штукатурке зарубки ногтем. Их было уже почти сто, когда она считала в последний раз. Спустия столько времени, всем уже стало на неё плевать. Её перестали запирают в палате, перестали будить среди ночи люди в штатском с лицами военных, перестали допрашивать, перестали давать ей таблетки по десятке штук в день, перестали коситься на неё, перестали перешептываться за спиной. Синяки от наручников прошли, свежие шрамы на боках и бёдрах надежно скрывала синяя пижама. Хоуп смешалась с больными, и порой ей казалось, что вся её жизнь до этого была ненастоящей, а, как и говорят врачи, просто защитной выдумкой сознания.

Её допрашивали. Много, разными способами. С ней разговаривали мягким голосом женщины с добрыми лицами, на неё кричали высокие крупные мужчины, пахнущие табаком, рядом с ней задумчиво играли ножичками хрупкие застенчивые очкарики, ей предлагали сделки, её оставляли в пустых комнатах без мебели, света и даже одежды. Однажды её выволокли на улицу и просто привязали за ногу к колышку. Был приятный ясный день, похоже на раннюю осень, она с наслаждением грелась на солнце, лежала на тёплой земле, подставляла лицо прохладному ветру. Ей казалось, что это очередной метод пряника, но, как оказалось, это была одна из самых страшных местных пыток. Так и раскрылась правда об отсутствии окон – солнечный свет был губителен для людей в этом мире, он истощал и мучал их, подрывал здоровье. Было ли дело в биологии людей или в самом свете, Хоуп не знала. Но после этого случая её перевели из тюремной камеры сначала просто в закрытую больничную палату, потом – в палату психлечебницы.

Сначала, первые пару дней после задержания, Хоуп рычала, огрызалась, дралась, как загнанное в угол животное, и ни слова не проронила про Фокса. Тогда она ещё верила – он придет, вот-вот, ещё немного и он её вытащит. Потом её пытали, били, угрожали ей, и от былой бравады не осталось и следа. Она была, всё же, обычным человеком. Хоуп была готова сознаться в чем угодно, лишь бы это прекратилось, она рассказала им всё, вплоть до кофе и побега через окно, и военные сменились врачами, а она наконец получила немного желанного покоя. Покинуть лечебницу ей было нельзя, врачи сказали, что она бредит, и все

её воспоминания – ложь. Хоуп, наученная не протестовать, да уже и сама сомневающаяся в реальности происходящего, смиренно покивала головой. Ей назначили лекарства, и попытались сдать обратно государству, но тут вновь словно из ниоткуда выросли военные в серых мундирах и с одинаковыми лицами, и безапелляционно потребовали с врачей вытащить настоящие воспоминания Хоуп. И она осталась, по сути, просто жить в лечебнице без возможности хоть когда-нибудь выйти. Главный врач, уронив голову на руки после ухода военных, издал жалобный вопль в пространство и честно сказал девушке, что вернуть её воспоминания нельзя, что ему всё безумно надоело и он не знает, что с этим делать, наорал на неё и выставил из кабинета, отпивая виски прямо из бутылки. Примерно тогда, как это было не иронично, у Хоуп умерла последняя надежда.

Фокс был ложью. Он и все его слова были сотканы из тонкой, почти гениальной манипулятивной лжи. Конечно, не было никакого геройства, никакого вселенского великого Зла. Он просто использовал её, как козла отпущения, как отвлечение внимания при побеге, для собственной выгоды, для собственного развлечения. За что? Почему? Она продолжала задавать себе эти вопросы, ответить на которые была не в силах. И, что самое мерзкое, она не могла заглушить свой голос в своей же голове, который твердил ей, что она виновата сама, что она заслужила всё произошедшее. Заслужила своей наивностью, доверчивостью, верой в такие глупые сказочки о приключениях и таинственных незнакомцах. Или же эти воспоминания и вправду были ложью, и Хоуп лишь оставалось гадать, что же с ней произошло, что было ужасным настолько, раз её разум счел такую жестокую, предательскую ложь про провалившееся чудо безопасней, чем правду? Чувство собственной вины убивало сильнее всего. Большую часть времени ей было никак, она не чувствовала ничего, но порой сильные руки высокой круглолицей санитарки вытаскивали её, кричащую, с разодранными ногтями до крови плечами и руками из общей душевой, и потом с тонкой иглой шприца успокоительного вновь возвращалось ничего.

Её признали виновной, хотя не было никакого суда. Фокс (или, всё же, она сама?) ограбил военных, суперсекретное хранилище оружия, которое даже не существовало на бумаге, и отдал Хоуп сумку со всеми уликами. Её отпечатки пальцев были повсюду, и одна из защитных дверей зафиксировал только одного человека, проходящего через неё. Никаких доказательств даже существования Фокса не было. Всё, что они теперь хотели – это вернуть украденное назад.

Дверь в палату открылась и к ней зашел Майк. Майк был одним из «прописавшихся» в лечебнице пациентов и первым, с кем она познакомилась из местных. В первый день, когда она стала полноправным пациентом, они встретились в столовой. Хоуп сидела и размазывала по тарелке липкую и тёплую, похожую на слизь кашу, раз за разом одергивая рукава, чтобы не видеть тёмно-фиолетовые следы, опоясывающие её запястья, с содранными местами кожей и запекшейся кровью. От блуждания по абсолютной пустоте собственного сознания её отвлекли два мотка мягкой марли, которые кто-то украдкой положил ей на колени. Сидящий рядом с ней Майк тогда прошептал: «Я их из процедурной неделю назад спёр, не знаю, зачем. Вот, держи». Он лысел со лба, несмотря на то что ему не было и тридцати, и глубокие залысины придавали ему какой-то инопланетный вид. Он был худой и низкий, с засыпанным прыщами лицом и каким-то непостижимым образом всегда в заляпанной чем-нибудь одежде. Майк очень старательно и ответственно принимал лекарства, потому что очень сильно боялся себя. Он был в лечебнице принудительно, после того, как из-за галлюцинаций едва не убил несколько человек на улице, и искренне раскаивался, говоря, что болезнь порой может превратить жизнь человека в ад.

Майк застенчиво потоптался у входа и спросил девушку, идет ли она с ними. Та утвердительно кивнула и встала, сунув озябшие ноги в тапочки. «Они» были компанией из четырех, включая Хоуп, людей. Помимо Майка, среди них была Китти, совсем юная девочка с кудрявыми черными волосами, у которой на каждом предплечье было по длинному продольному

старому шраму. В этом месяце была её пятая попытка, самая изобретательная, но наученные горьким опытом родители оказались быстрее. Китти, из-за букета врожденных заболеваний, вряд ли протянет ещё пять-шесть лет, и поэтому ей даже не хотелось пытаться. Хоуп понимала её мотивацию. Последним членом команды была Ника, которая не хотела говорить о своей болезни, и все уважали её желание. Ника познакомилась с ними сама, просто подошла и отлично вписалась в их небольшой коллектив. Казалось, она умела и знала всё на свете.

Китти и Ника ждали за дверью, и когда Хоуп вышла вместе с Майком, компания молча зашагала по коридору, в сторону лестницы, где был запасной выход. В это время дня там почти никто не ходил, а во дворе и подавно никогда никого не было. Ника открыла дверь ключом, который они общими усилиями стащили у охраны, и все четверо вышли на улицу. Хоуп любила эти вылазки больше всего, за воздух, за солнце, за возможность увидеть небо и понять, сколько сейчас времени и какая на улице погода, но случались они редко, раз в пару недель, потому что ключ каждый раз приходилось возвращать на место. Майк вытащил из кармана пачку контрабандных сигарет, и протянул Хоуп. Сигарета всегда была одна на четверых, потому что достать их было очень сложно. Китти протянула ей зажигалку, Хоуп закурила, закашлявшись после первой же затяжки, и передала сигарету Нике. Порой, когда все были слишком подавленными или уставшими, чтобы говорить, они стояли, ходили или сидели молча, просто наслаждаясь безмолвной поддержкой друг друга. Сигарета тлела и медленно гуляла по кругу, и день казался вполне обычным, но тут за дверью раздался крик и грохот.

Первое, что они услышали, когда выбежали в коридор, был крик: «Я не сумасшедшая!». Крики подобного рода так часто звучали от новоприбывших в этих стенах, что никто никогда не воспринимал их всерьез. Китти любила говорить, что все сумасшедшие, что «мы, доктора и санитары, все сошли с ума, но только мы это замечаем». Она отличалась от многих тем, что смаковала тот факт, что психически нездорова, превращая его в философию и порой в шутку. Большинство старались относиться к болезни как к всего лишь болезни. К таким крикам привыкли и санитары. Двое из них, с беспристрастными лицами заботливо вели под руки всё менее и менее сопротивляющуюся женщину. Хоуп проводила их взглядом до двери в другое отделение, где всех новичков сортировали, словно в цеху. Новоприбывшая вошла в дверь уже спокойно, не вырываясь, но всё ещё бормоча себе под нос, что она не сошла с ума и это всё правда. Хоуп вспомнила себя в первые дни, дни, когда была твёрдо уверена в своей правоте. Она пожелала ей поскорее смириться. Чем больше борешься, тем сложнее принять тот факт, что половина твоей жизни была бредом, воспоминания – конфабуляцией, и тем сложнее потом жить с этим осознанием. Хоуп ещё порой поражалась тому, какими реальными ей казались события, но уже не верила в них. Не верить себе в этих стенах было так же просто, как дышать.

Хоуп сидела, ковыряла ложкой остывший обед и гадала, в каком же отделении окажется та женщина, как та тут же зашла в столовую. Она выглядела абсолютно потерянно и сжимала в руках тарелку до побеления костяшек, но персонал, казалось, её вообще не замечал, или им просто было плевать. Хоуп переглянулась с Майком и тот встал и направился к женщине. В их постепенно растущей группе он был главным по общению с людьми, и всегда брал на себя любые переговоры, поскольку Хоуп была стеснительной, Ника – язвительной, а Китти, всё же, подростком со странностями. Он взял явно перебравшую седативных новоприбывшую под локоть и проводил её до стола с потрёпанными кастрюлями и протянул её тарелку угрюмой тучной буфетчице, после, не отпуская её руки, проводил до стола и помог сесть. Почти романтично.

– Я Майк. Это Китти, Хоуп и Ника.

– А... Виола, – женщина сделала какой-то неопределенный взмах рукой, который можно было расценить как приветственный жест.

– Они тебе слишком много вкололи? Никакого внимания к личной переносимости препарата. Можешь подать жалобу, если хочешь. Это сложно, но выполнимо, и тогда все будут знать, что ты можешь за себя постоять, – сказала Ника.

Виола зажмурилась на пару секунд, концентрируя мысли, и ответила:

– Нет, всё нормально. Мне это нужно. Так легче.

– Смотри, не пристрастись. Кажется, что постоянно быть в состоянии медузы легче, но оно того не стоит. Знаем, плавали, – последнюю фразу Китти проговорила уже с набитым ртом. «Никогда не видела столько энтузиазма по отношению к слипшимся макаронам», – дежурно подумала Хоуп, уже осознавая, что мыслительный процесс потянул за собой цепочку воспоминаний из недавнего прошлого. В горле встал огромный сухой ком. В свои первые дни она вела себя так же, как Виола.

К счастью для неё, размышления Хоуп прервал Бобби, местный смутьян и борец за справедливость в одном лице.

– Эй, фантастическая четверка, – заговорил он, подсаживаясь за их стол, – Я начну изда-лека. Всем нравится нынешний уклад здесь, в больнице?

– Обожаю. Что может быть лучше? – фыркнула Ника с убойной дозой сарказма в голосе.

– Так вот, – триумфально продолжил Бобби, – Может стать ещё хуже. У нас хотят ожесточить порядки. Мы все собираем подписи и будем протестовать. Мы не заключенные! – последнюю фразу он проскандировал, привстав со стула, и человек пять-семь поддержали его криком и стуком ложек о стол. Ещё человек десять невнятно помычали в такт, остальные, равно как и персонал больницы, лишь закатили глаза.

– Мы подумаем над этим, – ответил Майк с тщательно подделанным энтузиазмом. Бобби, кажется, был вполне удовлетворён таким ответом и удалился, тут же подсев к другому столу.

– Ничего у них не выйдет, – вздохнула Китти, – Только хуже и себе, и нам сделают.

– Ну хоть что-то происходить будет. А то день сурка уже какой-то, – пробормотала Хоуп.

– Что за день сурка?

– А, не бери в голову.

Уже прозвенел отбой, но Хоуп не спешила спать. Она привычно забралась под кровать и нацарапала новую засечку. Место на стене уже заканчивалось. Встала, отряхнулась, огляделась. Свет в комнате был выключен, так что даже если бы там было, на что смотреть, она бы это не увидела. Спать не хотелось, делать было нечего, поэтому она решила использовать единственное доступное подобие развлечения в лечебнице после отбоя – прошаркать по каменному полу ярко освещенного коридора мимо сонной дежурной и зайти в туалет. Целое приключение.

Она толкнула скрипящую дверь в уборную и на секунду застыла в недоумении, но потом спохватилась и закрыла дверь как ни в чем не бывало, чтобы не привлечь дежурную. На холодном кафеле, обняв ноги руками, сидела Виола. Она уткнулась носом в колени, спутанные волосы падали ей на лицо и голые предплечья. Хоуп присела на корточки и осторожно коснулась её плеча, тут же почувствовав, как под кожей напряглись мускулы. Виола подняла голову и посмотрела на Хоуп сухими красными глазами. Той стало немного неловко, так как дальнейшего плана действий у неё не было.

– Что случилось? – спросила она, тут же пожалев об этом, – Хотя, наверное, нет смысла задавать этот вопрос человеку, который оказался... здесь. Много чего случилось.

Виола молча кивнула, продолжая смотреть Хоуп в глаза. Ситуация становилась всё более неловкой.

– Это невозможно – быть абсолютно в порядке после такого. Никто бы не смог. У нас тут хорошие ребята, тебе помогут если что, только скажи. Что угодно, – запас слов у Хоуп иссяк и она пристыжено замолкла, надеясь, что не сделала ещё хуже. Был бы тут Майк, который всегда умел найти правильные слова и поддержать, оставаясь островком вечной уверенности в бушующем море эмоций. Виола вдруг положила ей голову на плечо и прошептала «спасибо». Девушка неуверенно улыбнулась, вдруг понимая, что до этого не замечала её возраст. Женщине, так невинно съезжившейся в пахнущей хлоркой уборной, было уже больше сорока, а может, и меньше, просто прожитые годы были не такими уж и хорошими. Усталые, печальные морщины лежали на коже призраками самых частых настроений. Голубоватая кожа век, выглядящая при холодном тусклом свете ещё хуже, чуть подрагивала. На висках уже виднелась седина. Хоуп от созерцания своей подруги по несчастью вдруг стало так невообразимо погано, что захотелось скорчиться рядом и завывать. Появление Виолы, на первый взгляд, толкнуло девушку на несколько шагов назад, вернув её в шаткое отчаянье из ставшей уже такой родной апатии. Но как бы не хотелось сорваться и плакать, Хоуп поймала себя на мысли, что он всеми силами старается этого не сделать, чтобы дать надежду Виоле, чтобы показать ей, что не всё так ужасно в жизни. Даже если это ложь, пусть будет ложь, чем правда, которая окончательно разрушит её рассудок. До попадания в этот мир и в эту лечебницу, Хоуп была яркой поборницей правды, пусть даже жестокой, но правды. Теперь же к ней пришло осознание, что ложь не уничтожает истину, а лишь дает временное спасение, отсрочку, дает время подготовиться к истине, и это не так уж плохо, как может казаться. Хоуп почему-то очень заботилась о Виоле, хоть и знала её буквально день, и это, на удивление, очень... тонизировало? Она словно проснулась от долгого сна.

– Не хочу портить момент, но если дежурная задумается, почему мы торчим тут так долго, у нас могут быть проблемы. Особенно с маячащими на носу новыми порядками, – нарушила тишину Хоуп.

– Я соврала ей, что у меня диарея, – безразлично отозвалась Виола, – Но ты права. Лучше идти. Мне уже лучше. Всё под контролем. Спасибо тебе.

Она встала и, как ни в чем не бывало, вышла. Хоуп отметила то, как она повторяла одно и то же разными словами, словно убеждая себя в том, что всё в порядке. Всё это было так болезненно знакомо.

Они сидели в общей комнате в углу, уже впятером. Ника сидела в кресле, Китти – у неё на коленках, остальные же прислонились к стене. Майк шутил, что женщин к нему тянет как магнитом, и его подруги смеялись, кто-то нарочито громко, а кто-то вымученно и вяло, но всё же – они смеялись. Их заурядную каждодневную болтовню прервал Бобби. Он подошел, весь заляпанный гуашью, с кисточкой в руках, и довольно дружелюбно попросил помощи с плакатами. Китти пожалала плечами и встала, всей компании только и оставалось, что последовать за ней.

Хоуп стояла у общего стола и выводила синей краской по контуру из простого карандаша малопонятные ей буквы. Изучение языка продвигалось довольно медленно. Бобби, как обычно фонтанирующий идеями и энтузиазмом, подошел к ней словно только для того, чтобы скорректировать направление надписи, но задержался:

– Ну, так что вы надумали? Вы с нами?

Хоуп была немного выбита из колеи этим вопросом. Она не привыкла и не любила решать за всю компанию, да и никогда не чувствовала себя лидером, с удовольствием отводя эту роль Майку, который, кажется, всегда знал как лучше и никогда не ошибался. Ей подумалось, что именно из-за того, что она не лидер и не в состоянии уверенно принять решение, Бобби говорит

именно с ней. «Думает, что сможет меня заговорить и я, надеясь, что тот отстанет, соглашусь, и за моё опрометчивое обещание всем отдуваться придется. Ну уж нет уж», – сделала вывод Хоуп.

– Нет, мы пас. Давайте как-нибудь сами.

– Что, вам совсем на своё будущее плевать? – Хоуп в ответ лишь закатила глаза, – Или вы слишком трусливые, чтобы постоять за себя? Или ленивые? Не хотите выходить из зоны комфорта, не хотите светиться, просто сидите тихо и надеетесь, что пронесет? Зря надеетесь. Только мы сами можем что-то изменить. А вы со своим бездействием – предатели!

Хоуп отложила кисточку, чувствуя, как медленно закипает. Мысленно пожурила себя за это, понимая, что ничем хорошим это в принципе кончиться не может и лучше бы прикусить язык да помалкивать, но если бы это было так легко.

– О, я смотрю ты выводов наделал не хуже местных докторов, – начала она с нескрываемой спесью в голосе, – И нас уже в предатели записал, а себя-то, небось, в герои и освободители. Но вернись-ка ты с небес на землю. Ничего у вас не выйдет, и вы своими показушными протестами с криками и размахиванием бумажками только лишний раз дадите им повод считать вас придурками, ещё и подкинете им оправдание тех зверских мер, которые они хотят ввести. Мы здесь никто и зовут нас никак, всем этим людям плевать на нас и на наш комфорт, и сколько бы вы не придумывали кричалок, это не поменяется, сколько бы вы не кормили своё самолюбие, воображая себя героями и борцами за свободу, ничего не поменяется. Вы просто слишком трусливы, чтобы это признать, – припечатала она

– Ну куда уж мне-то до вас, – Бобби явно был уязвлен и яд практически капал с его языка, – Как же я угонюсь за героизмом путешественницы по мирам, а? Как тут поганно станет, в портал небось ускользнешь, зачем тебе какая-то борьба?

Издевки над чужой болезнью, особенно над диагнозами «особенных» пациентов, чьи истории передавались персоналом из уст в уста, были самым строгим табу. Те, кто стоял поближе, даже замолкли в удивлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.